

На соискание Ленинской премии

БОЛЬШАЯ поэзия рождается терпением мысли, сосредоточенной в одном направлении. Это терпение мысли отличает работу Егора Исаева над его поэтической дилогией, которая завершилась поэмой «Даль памяти». Сначала — память, потом — суд памяти, потом — даль. Память — дорога. Образ дороги — соединительницы и пространства, и времени в «Дали памяти» — определяющий:

Сгибайся в три погибели —
Паши!
Костями ложись,
А звонкую дорогу
Достань из-под земли.
И — восторженно —
Положи
Раскиснь ее,
по звенящему стыкая...

Мысль о дороге здесь — это глубоко народная мысль. Здесь говорится о самом главном, когда стираются случайные черты, о народном характере. Человек проверяется дорогой и в дороге. В поэзии она — уже сюжет, потому что дорога рождает странника, рождает позицию обзора жизни. Так вот позвала дорога Некрасовских мытарей в «Кому на Руси жить хорошо», Никиту Моргуна в поэме Твардовского «Страна Муравия» и самого поэта в «За далью — даль». Человек в дороге — открыт со всех сторон, видней. И это прекрасно чувствовал Егор Исаев, когда отправил самого себя в трудную дорогу памяти — сначала к голосу матери, а затем к Рудяку и Кремень-слезе. Он и нас вызывает туда, к истокам — к детству, к предвоенной юности наших отцов и друзей, он нас тоже испытывает этой трудной дорогой памяти и больше всего испытывает беззащитной нежностью сердца: «Ко мне приходит облако. Оно то радостью моей осветлено, то — что скрывать — омрачено печалью... Оно придет — и даль сомкнется с далью и памятью уйдет в мои глаза...»

Дорога приближает даль к сердцу, к самым зрачкам, и мир, вмещающийся в эту даль, внезапно становится текущим, неподвластным нашему зрению. Так совершается странничество в себя. Если в «Суде памяти» память идет как женщина-мать по земле, то во второй поэме автор возвращает нас памятью к матери, к земле — и это естественней для произведения, в котором так ярко выражен символизм реальности, сильнее всего проявляющийся в центральной главе «Кремень-слеза», где тоже на дороге, на возвах находится кремень-слеза, ибо:

Бежит,
Бежит
Полночная дорога,
Как чья-то вековая вдова.

И вот найдено мужиками чудо небывалое — кремень-слеза. И пошел разговор, и слезы женские, и печаль мужская — а вышло, что вся полная испытаний история страны вместились в эту слезу затем, чтобы мужики могли горделиво заявить:

А мы-то,
Мы-то
Тем и знамениты,
Что мы —
первостатейно знатоки.
Мы —
Ковали
от первой наковальни,
Мы —
Плугари от первой борозды...

В воспоминании, конечно, что-то есть от сказочного — оно уже нереально, уже — в бывшей действительности, и все же в нем нет той символичности, озаряющего обобщения, которые делают сказку искусством сердца.

Поэт «включился» в сказку, столкнул свое «я» и выдумку, свел живых, реальных людей как

бы в другой, неизвестной реальности. В сказку люди попадают, как в дорогу, и тоже становятся видными отовсюду — и землемер, толкующий о земле и революции, и учитель, вспоминающий людское горе, и гармонист, так и не сумевший разговориться слезу.

Но главное, что никто и ничто не может заставить заплакать эту слезу. Она — не плачущая, вот в чем дело. И не каменная. Она — кремень. Из нее можно получить искры. Так поэт снова возвращает свой эпический мир к нам из сказки в действительность. Это тоже примечательно — перетекание поэтических ситуаций из одной в другую. И в этом выражается замечательное мастерство Егора Исаева как поэта и мыслителя.

Как видим, сказочность его — это быть. Это то, что было, но

в диковинку, потому что напряженная, длительная его внутренняя жизнь падает всего на какие-то минуты лирического вздоха.

Вот почему главы его поэм, сами стихи похожи на старинные географические карты, где все знакомо, а названия странно другие. И приходится знакомое угадывать и заново переживать открытое. В этом и «секрет» такой действенной художественной силы поэм Егора Исаева. Память приводит нас к разговору о советской «еже», которая в народе то же самое, что и правда. И этот разговор — наш, обыденный, сегодняшний. А память — дорога, согласно течению поэмы, движет нас вдаль:

Постой!
Да это ж солнце
Встает в окне —

И, конечно, о мастерстве создания эпической по значению и лирической по духу композиции. Нет, это не поэтические конструкции, которые зовут просто-душно «ходами», а мышление непрерывным, тягловым движением образов: дороги — кремень-слезы — памяти — отклика на материнский зов: «Домой!».

С этого зова, идущего из детства, начинается духовная, лирическая действительность поэмы:

Внизу она,
степная деревенька,
Внизу они, огненные цветы
Твоих лесов!
И голос за лбами:
— Домо-о-ой!..

Домо-о-ой!.. —
Родимая зовет.

Поэт не столько видит свое детство, сколько слышит его. Этот услышанный в начале поэмы материнский голос и определил настрой поэмы, ее интонационность. Так эхо всегда звучнее самого звука. Вот почему и сам лирический настрой поэмы предопределен — это рассказ уста в уста, глаза в глаза. Он нетороплив. Он возвращается постоянно к одним и тем же словам, но это не вариации, потому что такой стиль — на «вздохе», на паузе, где и молчание звучит.

И вот в конце эпической дороги мы слышим опять этот зовущий домой материнский голос, когда «и я в траве, как столбик межевой, недвижно стыну». Это голос оберегающий:

Как будто из погребца,
Подгрудно бьет,
Подсказывает сердце:
Бежать!
Бежать!
Бежать во весь опор
На голос матери:
— Домо-о-ой!..
— Домо-о-ой!..

Так между двумя звуковыми ударами расположились смысловые ноты этой поэмы.

Читая поэмы Егора Исаева, еще раз убеждаешься, что поэзия участвует в создании действительности нашего сердца.

Народные судьбы, народные характеры определяют гражданственную наполненность дилогии. Это поэмы о человеческом сердце, помнящем родную землю, людей и ту даль, без которой не бывает ни радости, ни чувства земли. И все это зовется чувством дали, возвращенной в наше сердце.

Владимир ЦЫБИН

ЧУВСТВО ДАЛИ

собранные там, где никогда люди не сумеют собраться, — в духовной действительности. Посему эти поэмы Егора Исаева я бы назвал монологами. Он как бы заново отгадывает даль, прошлое. О нем он пишет, как о будущем: по крайней мере, перспектива рельефно обозначенная. Пишет на больших духовных ускорениях. Мысль его не безродная — она от жизни. От Некрасова. От Твардовского.

Огромный мир —
На маленькое сердце —
Он с головой окатывал меня...

Итак, поэт не столько выражает себя и свое прошлое, сколько обстоятельно осматривается в нем. Егор Исаев как бы сам себе

Лицом к пережитому,
И радио поет про Сулико...
Ах, как относит
память далеко!
— Домой!.. Домой!.. —
А я всю жизнь из дому.

Возвращения не состоялось, на вершинах поэзии оно и не могло состояться — даль памяти ведет дальше поэта. В какой мир поэзии? В какое завтра, которое одновременно и прошлое? Мы не знаем. Но дорога движет нас, и мы движемся на встречных потоках из прошлого в будущее, из будущего — в прошлое.

По-моему, мало говорилось в нашей критике о самом мастерстве, с каким написана вся дилогия, и особенно «Даль памяти».

245